

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Деконструкция мифологемы Пушкин в русском постмодернистском тексте конца XX – начала XXI в.

Колмакова Оксана Анатольевна

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
post-oxygen@mail.ru, 0000-0002-4873-181X*

Аннотация

Предметом анализа является рецепция пушкинского мифа в произведениях русских писателей-постмодернистов конца XX – начала XXI в., рассмотренная в аспекте диалога авторов с современным культурным сознанием. Материалы, использованные в исследовании: романы «Андеграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканина и «Человек-язык» А.В. Королева, прозаические тексты «Некрологи», «Звезда пленительная русской поэзии» и лирика Д.А. Пригова, повесть «Лимпопо», рассказ «Сюжет» и роман «Кысь» Т.Н. Толстой, пьеса «Мужская зона» Л.С. Петрушевской, рассказ «Мардонги» В.О. Пелевина, пьеса «Мертвые уши» О.А. Богаева. В результате исследования выявлено, что объектом авторской рефлексии у названных авторов становится мифологема *Пушкин*, а также ряд сюжетообразующих семантов пушкинского мифа: дуэль, гений, отец, гуманист, божество, герой, Россия и др. Широкий диапазон «отношений» с пушкинским мифом, измеряемый шкалой «Культивирование – профанирование», определяется спецификой воспринимающего сознания. Отдельные авторы (В.С. Маканин, А.В. Королев) пропускают миф о Пушкине через призму сознания героя-интеллигента, близкого автору, придавая Пушкину статус неотъемлемого конструкта русской национальной идентичности и гуманистического ориентира в современной дегуманизированной реальности. Однако большинство писателей-постмодернистов демифологизируют пушкинский миф, создавая дистанцию между автором и персонажем, являющимся носителем массового сознания. Авторы обращаются к таким приемам, как пародирование соцреалистического дискурса в советской версии мифа о Пушкине (Д.А. Пригов, Т.Н. Толстая), гротескное овеществление, вскрывающее симулятивную природу Пушкина как одного из центральных концептов русской культуры (В.О. Пелевин, О.А. Богаев), упрощение и снижение контекстных представлений о классике, осуществляемое посредством интертекстуального обыгрывания пушкинской цитаты (Л.С. Петрушевская). Прибегая к деконструкции пушкинского мифа, современные писатели декларируют отказ от заложенной в нем идеи тотальности, а также от абсолютизирующей Пушкина формулы «Наше все».

Ключевые слова: современная русская литература, постмодернизм, пушкинский миф, мифологема, образ, мотив

Для цитирования: Колмакова О.А. Деконструкция мифологемы Пушкин в русском постмодернистском тексте конца XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 105–114. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Deconstruction of Pushkin mythologeme in the Russian postmodernist text of the late 20th – early 21st century

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, post-oxygen@mail.ru, 0000-0002-4873-181X

Abstract

In Russian cultural consciousness, the mythologeme "classic" is associated with quite a number of names. In the candidates for the title of "classic" list, A.S. Pushkin is the undisputed leader. The transformation of Pushkin's personality into a legend began during his lifetime. By the end of the 20th century, the Pushkin myth contained such components as *duel, genius, father, humanist, deity, hero, spiritual leader, Russia*, and others. The Pushkin myth continues to be cultivated in such postmodernist works as V.S. Makanin's "The Underground, or the Hero of Our Time" and A.V. Korolev's "Man-Tongue". Being close to the author main characters of these novels consider *Pushkin* to be an exemplary personality. They correlate their actions with his life events. However, Russian postmodern writers are more actively engaged in demythologization of the Pushkin myth appealing to images, carriers of mass consciousness. For this, they use a rich arsenal of ludic poetics techniques. Thus, D.A. Prigov and T.N. Tolstaya

parody the socialist realism discourse to profane the Soviet version of the Pushkin myth. V.O. Pelevin and O.A. Bogayev grotesquely give material form to the writer's image, revealing the simulative nature of Pushkin as one of the central Russian culture concepts. L.S. Petrushevskaya simplifies and reduces contextual representations of the classics through intertextual play with Pushkin's quotations. While deconstructing the Pushkin myth, modern authors declare rejection of the totality idea embedded in it. They also reject the formula "Our Everything" which deifies the writer and is firmly established in Russian cultural consciousness.

Keywords: modern Russian literature, postmodernism, the Pushkin myth, the mythologeme, the image, the motif

For citation: Kolmakova O.A. Dekonstruksiya mifologemy *Pushkin* v russskom postmodernistskom tekste kontsa XX – nachala XXI v. [Deconstruction of Pushkin mythologeme in the Russian postmodernist text of the late 20th – early 21st century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 105–114 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-105-114>

Введение

Писательские мифы составляют значительный пласт как национальной, так и общечеловеческой культуры, поскольку в основе их создания лежат древнейшие стратегии мифотворчества. А.Ф. Лосев отмечал, что «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [1, с. 265], а биографии писателей-классиков весьма релевантны для создания таких «историй». Принадлежность классика к высокой культуре характеризует его как личность элитарную, обладающую высоким интеллектуальным и моральным статусом. В культурном сознании подобная личность персонифицирует архетипы *Героя*, *Отца* и *Бога*¹. Объективная информация о писателе получает вольную интерпретацию и трансформируется в субъективное мифологизированное знание – писательский миф.

В русском культурном сознании мифологема «классик» объективирована целым рядом представителей, наиболее значимым из которых выступает *Пушкин*. Проблема мифологизации личности и творческого наследия А.С. Пушкина интересует русских писателей-постмодернистов уже более полувека, в связи с чем в отечественном литературоведении появилась достаточно богатая традиция осмысления пушкинского мифа в произведениях русской литературы XX в. [3–7]. Под «пушкинским мифом» мы будем понимать комплекс представлений о личности и творчестве А.С. Пушкина, рожденных в среде русской интеллигенции и сформулированных в разного рода публицистических высказываниях и исторических анекдотах. В массовом сознании пушкинский миф «сворачивается» до своего ядра – мифологемы *Пушкин*.

Целью работы является анализ мифологемы *Пушкин* в текстах современных русских писателей-постмодернистов в аспекте их диалога с современным культурным сознанием – массовым и элитарным. Проведенное исследование позволит

выявить специфику этого диалога как «отношений» полемики или согласия, которыми определяется профанирование или культивирование мифа о Пушкине в каждом конкретном художественном произведении.

Материал и методы

Материалом исследования послужили романы «Андеграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканина и «Человек-язык» А.В. Королева, прозаические тексты «Некрологи», «Звезда пленительная русской поэзии» и лирика Д.А. Пригова, повесть «Лимпопо», рассказ «Сюжет» и роман «Кысь» Т.Н. Толстой, пьеса «Мужская зона» Л.С. Петрушевской, рассказ «Мардонги» В.О. Пелевина, пьеса «Мертвые уши» О.А. Богаева. Отбор для анализа литературного материала столь разной жанрово-родовой природы обусловлен задачей показать авторское отношение к мифологеме *Пушкин* через призму сознания персонажа как представителя элитарной или массовой культуры. Во всех перечисленных текстах персонажи имеют четкие маркеры культурной принадлежности. На сегодняшний день в литературоведении данному аспекту функционирования пушкинского мифа уделено недостаточно внимания. Сосредоточенностью исследования на проблеме рецепции пушкинского мифа конкретными персонажем объясняется установка автора статьи на фронтальный взгляд, не предполагающий глубокого погружения в анализ творчества каждого представленного писателя. В качестве материала также привлекаются русские и советские публицистические тексты – статьи Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева, М. Горького, А.В. Луначарского и др., в которых осуществлялась генерация пушкинского мифа. Механизмы этого мифообразования небезынтересны для писателей-постмодернистов и становятся для них не только объектом полемики,

¹ В русской культуре все три архетипа связаны между собой. Объединение понятий «бог» и «отец» происходит на основе православного канона, подразумевающего триединую сущность Бога как Отца, Сына и Святого Духа. Единство же «бога» и «героя» воспринимается человеком на уровне подсознания, поскольку базируется на архаических представлениях, о которых писал К.Г. Юнг: «...у героя природа человеческая, но близкая к сверхъестественной, т. е. он является "полубожественным"» [2, с. 102].

но и приемом поэтики. Ведущим методом исследования является структурно-семиотический.

Результаты исследования

Легендаризация пушкинской личности началась при жизни классика, чему в немалой степени способствовали оценки современников. Суммировать эти оценки можно формулой Н.В. Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное» («Несколько слов о Пушкине», 1832) [8, т. 8, с. 50]. Позже Ф.М. Достоевский в «Речи о Пушкине» провозгласил «всемирность и всечеловечность его гения» [9, т. 26, с. 148], а А. Григорьев создал знаменитую максиму «Пушкин – наше все» [10, с. 166]. Гениальность Пушкина-художника формулируется как «правильная, художественно-нравственная мера» [10, с. 167–168], а уникальность его личности связывается с общечеловеческими ценностями: «Гуманность Пушкина была явлением высшего порядка <...>, врожденной чертой избранной натуры Пушкина» [11, с. 320].

Одной из базовых в пушкинском мифе является связка *Пушкин – Россия*, возникшая еще в оценках Н.В. Гоголя: «Пушкин есть <...> единственное явление русского духа» [8, т. 8, с. 50]. Позже в своих «Литературных мечтаниях» (1834) В.Г. Белинский написал о Пушкине как о поэте, «русском по преимуществу» [12, т. 1, с. 21]. Ф.М. Достоевский также последовательно проводил идею «национальной русской силы», «народности» поэзии Пушкина [9, т. 26, с. 146]. Заметим, что, раскрывая свой тезис «Пушкин – наше все», А. Григорьев делает акцент не только на том, что Пушкин «тотален», но и на том, что поэт – «наш», «русский»: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [10, с. 166].

К началу XX столетия А.С. Пушкин более чем любой другой классик воспринимается русским культурным сознанием как «поставщик чего-то грузного, питательного, умственного и гуманного» [13, т. 4, с. 340]. В советский период русской истории миф о Пушкине вновь оказывается востребованным. Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский в 1924 г. пишет: «Стало совершенно бесспорным, что Пушкин сейчас ослепительно воскресает» [14, т. 1, с. 38]. Русский «классик классиков» практически становится культурной иконой, воплощением богочеловека наравне с В.И. Лениным и обретает статус духовного отца нации.

Активное участие в культивировании пушкинского мифа принимает А.М. Горький. Официальный советский писатель-классик актуализирует ключевые семантемы пушкинского мифа, называя Пушкина «гигантом, величайшей гордостью на-

шей и самым полным выражением духовных сил России» [15, т. 24, с. 184]. Свою мысль о том, что «Пушкин – начало всех начал» [15, т. 29, с. 181], Горький развивает следующим образом: «Лев Толстой, Тургенев, Достоевский – все эти великие люди России признавали Пушкина своим духовным родоначальником» [15, т. 29, с. 255].

К мифу о Пушкине постмодернистское художественное сознание чаще демонстрирует полемическое отношение. Современные авторы вскрывают симулятивную природу пушкинского мифа как культурного «эрзац-продукта», разоблачая поверхностные и упрощенные представления о подлинных фактах человеческой и творческой судьбы А.С. Пушкина. Вместе с тем в некоторых случаях писатели-постмодернисты «участвуют» в культивировании пушкинского мифа.

Так, упоминание о Пушкине как об особенной личности появляется на страницах романов «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) В.С. Маканина и «Человек-язык» (2000) А.В. Королева. Для главных героев этих произведений *Пушкин* – эталонная личность, с событиями жизни которой они соотносят свои поступки.

Маканинский Петрович – «писатель-агэшник», являющийся, по сути, автобиографическим персонажем. На момент описываемого в романе 1991-го Петровичу так же, как и автору, 54 года; и автор, и его персонаж родом с Урала; оба – «технари» по образованию. Маканин наделяет Петровича «художавостью» и «седыми усами» – узнаваемыми деталями собственного портрета и собственной привычкой «держатъ руки в карманы». Конечно, не различать позицию автора и персонажа на основании только лишь их внешнего сходства нельзя, однако такое сходство все-таки существенно сокращает дистанцию между писателем и его героем.

Для Петровича прежде всего важен статус *Пушкина-Гениального-Писателя*. «Пушкин и Петрович!» – провозглашают на общажном застолье уже порядком подвыпившие друзья Петровича Михаил и Вик Викыч. Сцена прочитывается двояко. В ней ощутима авторская ирония, но вместе с тем читатель чувствует очевидную авторскую симпатию по отношению к герою. Маканин изображает искреннюю радость Петровича, которого коллеги по цеху ставят на почетное место рядом с классиком. Герой признается, что от слов, сказанных друзьями, ему «...легко. И свежо на душе» [16, с. 126].

Однако для Петровича важность приобретает и образ *Пушкина-человека* – личности со своими нравственными принципами и жизненной позицией. Внутри героя, убившего человека, происходит борьба между «Не убий!», воспринятым через призму сострадательного Достоевского, и пушкинским выстрелом во имя спасения собственной че-

сти. «...смертельно раненный, лежа на том снегу, он целил в человека и знал, чего ради целил. И даже попал, ведь попал!...» [16, с. 176], – восклицает Петрович, оправдывая свой поступок. Идею Достоевского о покаянии за совершенное убийство Петрович также «примеряет» к пушкинской дуэли и делает для себя однозначное заключение: «Убив Дантеса, встал бы он на коленях на перекрестке после случившегося?.. Ничуть не бывало» [16, с. 176]. В романе, написанном от первого лица, позиция автора намеренно скрыта, однако твердость и мужественность Петровича в его отказе от концепции «не убий» позволяет говорить о том, что автор если и не полностью разделяет точку зрения своего героя, то, во всяком случае, не опровергает ее.

Для Антона Кирпичева, героя романа А.В. Королева «Человек-язык», актуален образ *Пушкина-интеллигента-гуманиста*. Антон – хирург закрытой терапелогической клиники, один из редких представителей современного человечества, способных на милосердие. Антон спасает из изолятора для душевнобольных пациентов психически здорового человека, носящего собачью кличку Муму за обезображивающую патологию языка. Реплика, сказанная Антоном своей невесте Таше Тарасовой, испугавшейся уродства Муму, оформляется автором «с участием» пушкинского слова: «Какая ж ты дура, мой ангел! – бросил он (Пушкин) Таше в сердцах» [17, с. 66]. Цитата из письма А.С. Пушкина жене – маркер статуса героя как подлинно высокодуховной личности. Сокращая дистанцию между автором и героем, Королев «доверяет» Антону сформулировать идею романа: издевательства над Муму – это людская «...паника, а не злоба. Они не хотят жить всерьез» [17, с. 99]. Далее следует «авторское объяснение», сделанное, как сказано в романе, «вместо Антона»: «Человек-язык стал шоком отчаянной подлинности присутствия одного существа перед другим» [17, с. 99].

Примечательно, что в тексте с Пушкиным сравнивается еще один персонаж, также проявивший милосердие по отношению к Муму. А.В. Королев вводит в роман образ реально жившего в Москве 1990-х гг. африканца Негаша Намруда, который раздавал московским нищим бесплатные обеды [18, с. 3]. Автор называет этого героя «пушкинской реинкарнацией»: «Вот оно – второе воплощение нашего славного Пушкина!» [17, с. 174]. Увидеть в последней фразе иронический модус («не гений, а милосердный африканец»), на наш взгляд, нельзя, поскольку для автора как раз-таки и была важна гуманистическая, а не творческая составляющая пушкинской личности.

И все же более активно русские писатели-постмодернисты заняты не культивированием, а развенчанием пушкинского мифа. Профанирование

мифа о Пушкине можно назвать сквозной темой творчества таких авторов-постмодернистов, как Д.А. Пригов и Т.Н. Толстая.

Для поэта-концептуалиста Д.А. Пригова *Пушкин* стал одним из центральных концептов русской культуры. Свое отношение к классику современный поэт сформулировал так: «Пушкин был официальным государственным поэтом, был почти героем Советского Союза <...> это был Ленин моего времени <...> Именно поэтому Пушкин сразу вошел в меня как некое божество» [19, с. 216]. Как видим, основные обозначенные Приговым дефиниции *Пушкина* («Государственный поэт», «Герой Советского Союза», «Ленин») профанируют прежде всего советскую версию пушкинского мифа, в которой образ «божества» секуляризируется, обретая статус кумира.

Свой цикл «Некрологи» (1980), посвященный русским писателям-классикам, Пригов открывает текстом о Пушкине. Цикл состоит из пародий на универсальный некролог советскому лидеру, транслировавшийся отечественными СМИ эпохи «застоя». Комический эффект в приговском цикле создается не только посредством приема анахронизма – погружения русских писателей XIX в. в контекст советской эпохи, но и за счет смены регистра официоза на разговорно-просторечную стилистику, разрушающую жанровый канон некролога: «Товарища Пушкина А.С. всегда отличали принципиальность, чувство ответственности, требовательное отношение к себе и окружающим <...> Он навсегда останется в сердцах друзей и близко знавших его как гуляку, балагура, бабника и охальника» [20, с. 128]. На наш взгляд, Пригов обращается к жанру советского некролога, поскольку именно в нем звучит формула-характеристика вождя как «отца нации». Примечательно, что Пригов подвергает деконструкции семантему «отец нации» все теми же средствами пушкинского мифа, обращаясь к таким компонентам мифологемы *Пушкин*, как «бабник» и «охальник», являющимся семантическим ядром исторических анекдотов о Пушкине. Изображая отца нации балагуром и бабником, Пригов не единственно снижает образ классика, но и возвращает «бронзовому Пушкину» человечность.

Если в «Некрологах» Д. Пригов иронизирует над риторикой советской публицистики, то в «Звезде пленительной русской поэзии» (1989), продолжающей деконструкцию пушкинского мифа, иронически осмысливается советский художественный дискурс – соцреализм. Стержнем сюжета в «Звезде...» является дуэль А.С. Пушкина с Ж. Дантесом – важнейший микросюжет пушкинского мифа. Дуэль профанируется уже в одном из первых текстов русского постмодернизма – романе

А.Г. Битова «Пушкинский дом» (1971): Митишатъев и Одоевцев устраивают дуэль «на пушкинских пистолетах» [21, с. 360].

В «Звезде...» демифологизация Пушкина осуществляется посредством пародирования стиливого канона соцреализма, ориентированного на специфического адресата – массового советского человека. Пригов деконструирует пушкинский миф посредством обнажения стиливых механизмов соцреализма, предлагающего читателю идеологические клише взамен духовных ориентиров и доступную фольклорность вместо усложненной художественности.

Косноязычное, но «идеологически выдержанное» повествование создает картину предельно абсурдного мира: «Обложил тогда Россию Наполеон, блокировал все порты и магистрали, готовился напасть на нашу родину. А внутри страны, в самом ее сердце, в столице ее, в древнем Петербурге, при попустительстве и прямом содействии царского двора и государственных чиновников французский посол Геккерен и его племянник вели разложение русского общества в пользу французского влияния» [22, с. 239]. В созданной в рассказе реальности смещены хронологические рамки («соратник Пушкина Николай Чернышевский», «англичане высадились в Мурманске»), а исторические события либо ложно интерпретированы («Небольшая часть несознательной молодежи <...> вышла на Сенатскую площадь с профранцузскими, антинародными лозунгами»), либо откровенно искажены («французский посол Геккерен и его племянник»).

Пародируя классический соцреалистический эпос, Пригов активно использует фольклорную стилистику: постоянный эпитет («говорит зычным голосом»), троекратный повтор («племянник» трижды оскорбляет Пушкина), «общее место» (эпизоды хождения Пушкина в народ), образ врага как этнического противника («не дают жить французы»). Особенно примечательно применение приемов идеализации и обесценивания образа, которые превращают Пушкина в реального Дантеса, а Дантеса, наоборот, в Пушкина: «Входит тут Пушкин, высокий, светловолосый, с изящными руками <...> А племянник Геккерена, маленький, чернявенький, как обезьянка, с лицом не то негра, не то еврея...» [22, с. 240].

Собирательный образ Пушкина в лирике Пригова включает самые разнообразные компоненты пушкинского мифа: *Бог* («Невтерпеж стало народу»), *Отец народа* («Внимательно коль приглядеться сегодня...»), *Свободный художник* («Вот Достоевский Пушкина признал...»). Пригов «добавляет» к пушкинскому мифу, на первый взгляд, абсурдный компонент андрогинности:

Кто это полуголый
Стоит среди ветвей
И мощно распекает
Как зимний соловей

Да вы не обращайтесь
У нас тут есть один
То Александр Пушкин –
Российский андрогин [22, с. 102].

Однако кажущаяся абсурдной связка «Пушкин – зимний соловей – андрогин» имеет смысл. Одной из художественных концепций андрогинности, сформулированной, в частности, Е.А. Полевой, является идея «антропологической цельности», то есть гармонии личности [23, с. 135]. Таким образом, сравнивая Пушкина-андрогина с «зимним соловьем» (оксюморон), Пригов совмещает такие семантемы пушкинского мифа, как *уникальная личность* и *певец гармонии*. Апогеем профанирования Пушкина у Пригова становится самоотожествление с классиком лирического героя-графомана: «...я тот самый Пушкин и есть» («Когда я размышляю о поэзии...») [22, с. 96]. На наш взгляд, столь многообразное воплощение мифологемы *Пушкин*, явленное Приговым, обыгрывает концепцию В.Г. Белинского, назвавшего Пушкина «Протеем» [12, т. 1, с. 79].

Оригинальное отношение к пушкинскому мифу демонстрирует Т.Н. Толстая. Писательница обратилась к нему в начале 1990-х гг., создав повесть «Лимпопо» и рассказ «Сюжет». На рубеже XX–XXI вв. Толстая возвращается к пушкинской теме в романе «Кысь». Повесть «Лимпопо» (1990) гротескно изображает интеллигентское сознание, центрированное русской литературой в целом и конкретно – личностью Пушкина. Моделью реальности, в которой «все было завалыщенское, убогое, пятого сорта» [24, с. 323], является у Толстой коммунальная квартира. «Эх, Пушкина бы сюда!» – горючится на кухне интеллигент Спиридонов, апеллируя к идее вселенской гармонии, безусловным воплощением которой для него является Пушкин. Если друзья маканинского Петровича считали его новым Пушкиным фигурально, то идея явить миру нового Пушкина в повести Толстой получает свое буквальное воплощение. Эту миссию берет на себя «интеллигент-правдур» с инфантильным именем Ленечка. Он создает с африканкой Джуди «союз униженных и оскорбленных», в результате которого, по мнению Ленечки, гарантированно появится новый Пушкин.

Профанирование пушкинского мифа у Толстой происходит по двум направлениям. Во-первых, в его пересечении с коммунистической идеей «светлого будущего» как единства человечества всех рас и континентов. Во-вторых, пушкинский миф под-

свечивается христианским: ожидание «нового Пушкина» воспринимается как «новое Рождество», и герои повести с упованием ждут, когда «завяжется беззаконный младенец Пушкин как последняя наша надежда» [24, с. 326].

Обреченность миссии Ленечки очевидна. Мало того, «с помощью» Пушкина он увеличивает количество абсурда в реальном мире, создав центон из культурно-идеологических клише вперемешку с пушкинскими строками: «Над густою лебедою гуси-лебеди летят! То как зверь они завоют, то ногами застучат! <...> Нашим планам нет предела, всем народом рвемся ввысь, и в распухнувшее тело раки черные впились! <...> Соловей хрипит на ветке, гнется дерево под ним; “кукареку” – вопит в клетке шестикрылый серафим <...> А струна звенит в тумане, а дорога все пылит. Если жизнь тебя обманет, значит родина велит» [24, с. 330]. Изображая в финале повести героев, которые глядят на памятник Пушкину, «словно ожидая, что он <...> выпростает из-за пазухи руку и благословит всех» [24, с. 366], писательница актуализирует *отеческую* составляющую мифа о Пушкине.

Рассказ «Сюжет» (1991) Т. Толстая целиком посвящает пушкинскому мифу, подвергая последний деконструкции более радикальной, нежели в повести «Лимпопо». В основу сюжета рассказа положено допущение о противоположном исходе дуэли Пушкина и Дантеса, что приводит Россию к альтернативному пути социально-политического развития. Подобный сюжет обыгрывает сразу два важнейших компонента пушкинского мифа: *дуэль* и смысловую связку *Пушкин – Россия*.

Связка *Пушкин – Россия* в «Сюжете» реализуется в пространстве советского мифа и так же, как у Д.А. Пригова, профанирует идею паритета между русским классиком и вождем мирового пролетариата. Толстая нивелирует роль выжившего Пушкина в русской культуре, ограничивая позднее пушкинское творчество «возмутительными стихами», которые сам поэт жжет на свечке, и прозой, которую «никто не хочет читать». Пожилой классик все еще работает над «Историей Пугачева» и в поисках архивных материалов отправляется в «маленький приволжский городок». Там Пушкин «отлупил палкой» оскорбившего его мальчишку, которым оказался Володя Ульянов, в результате чего «Володенька» напрочь отказался от начавших формироваться в нем демократических взглядов. После экзекуции «баловства со всякими там идеями не допускал ни на минуточку, да и других одергивал, а если замечал в товарищах наималейшие шатания и нетвердость в верности царю и Отечеству, то сам, надев фуражку на редущие волосы, отправлялся и докладывал куда следует» [24, с. 259]. Толстая демифологизирует *Пушкина*, показывая, что

он оказался полезен отечеству лишь косвенно – не как творец, а как переформатировавший убеждения юного Ленина в сторону радикального монархизма.

Один из фрагментов «Сюжета» представляет собой центон, состоящий из цитат русской классики, начиная от Достоевского и заканчивая Набоковым. Этот эпизод текста композиционно оформлен как бред раненого Пушкина. Включенность цитат русской классики в пушкинский бред профанирует семантему *Пушкин – отец русской классики*, сформулированную, в частности, А.М. Горьким: «Без Пушкина были бы долго невозможны Гоголь <...>, Лев Толстой, Тургенев, Достоевский» [15, т. 24, с. 255]. В рассказе сквозь массив чужого текста раздается голос самого Пушкина: «послушай меня... Р, О, С, – нет, я букв не различаю» [24, с. 253]. Создается впечатление, что за иронией и насмешкой автор прячет печальную мысль о том, что подлинный Пушкин, «утонувший» в тексте русской культуры, которую сам же и создал, остался так по-настоящему и не услышанным русским читателем.

В романе-антиутопии «Кысь» (2000) постмодернистские приемы деконструкции мифа о Пушкине получают у Т.Н. Толстой новое воплощение. Пушкин в романе существует в виде условного памятника, далекого от оригинала настолько, насколько персонажи докультурного мира, в котором только недавно изобретено колесо, далеки от восприятия высокого слова классической культуры.

Бенедикт, главный герой романа, использует нарицательное существительное «пушкин», имея в виду собственноручно изготовленную им статую: «пушкин <...> черным кудлатым идиолом взметнувшийся на пригорке, навечно сплюснутый заборами, по уши заросший укропом, пушкин-обрубок, безногий, шестипалый, прикусивший язык, носом уткнувшийся в грудь» [25, с. 370]. Это произведение столярного искусства превращает классика всего лишь в «дубельт» – так Бенедикт называет материал, из которого изготовлен памятник.

Базовую формулу пушкинского мифа «Наше все», как и строки классика, Бенедикт понимает буквально, поэтому требует от «пушкина» конкретного ответа на «проклятые вопросы»: «Ты, пушкин, скажи! Как жить? Я же тебя сам из глухой колоды выдолбил <...> Не будь меня – и тебя бы не было! Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал? – Я воззвал! Я!» [25, с. 313]. Конкретное мышление Бенедикта выхолащивает из цитаты все смыслы: «“...Жизни мышья беготня, / Что тревожишь ты меня?” А-а, брат пушкин! Ага! Тоже свое сочинение от грызунов берег! Он напишет – а они съедят, он напишет, а они съедят! То-то он тревожился!» [25, с. 336]. А когда Бенедикт попытался приспособить стихотворение Пушкина

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» «по бабскому делу», вышел конфуз: «Марфушка все сделала по-честному, как ей велено, — ни гу-гу, руки по швам, пятки вместе, носки врозь. И нет чтобы разгораться все боле да боле, как по-писаному, али там пламень разделить, — какое — так мешок мешком весь вечер и пролежала» [25, с. 126].

Обращаясь к пушкинской теме в «Кыси», Толстая аллюзивно воспроизводит программный текст раннего русского постмодернизма — поэму В.В. Ерофеева «Москва — Петушки» (1969). У Ерофеева пушкинский микросюжет связан с историей Дарьи — «женщины сложной судьбы», пострадавшей за великого поэта: «Мне за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба», — торжественно сообщает о себе героиня [26, с. 90]. Ерофеев создает снижающий образ классика каламбур «Пушкин — Евтюшкин» и обыгрывает знакомую каждому русскому обывателю паремию «А кто же — Пушкин, что ли?!»: Дарья регулярно пристает к Евтюшкину с вопросом «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» [25, с. 91], за что, собственно, и получает свои увечья.

У Толстой возникает созвучный ерофеевскому каламбур «пушкин-кукушкин», а одним из средств обесмысливания мифологемы *Пушкин* также становится ирония в адрес фольклорного клише «с Пушкиным». Этот риторический вопрос звучит в диалоге Бенедикта с тестем: «“Кысь-то — ты”. — “Я-а?!?!?” — “А кто же? Пушкин, что ли?”» [25, с. 366–367].

Идея обесмысливания пушкинского мифа связана у Т. Толстой с проблемой омассовления интеллигентского сознания. В этом плане образ «полуинтеллигента» Бенедикта вполне однозначен. Однако и герои повести «Лимпопо» не могут претендовать на статус подлинных интеллигентов. В их восприятии Пушкина «работают» те же, что и в массовом сознании, механизмы упрощения. Примечателен финал повести, когда пришедшие к памятнику Пушкина героини не могут вспомнить хрестоматийных строк из его стихотворения.

Еще одним ярким примером иронично-игровой деконструкции пушкинского мифа является пьеса Л.С. Петрушевской «Мужская зона» (1992). Петрушевская пародирует повесть С.Д. Довлатова «Зона» (1982), в которой заключенных обязали участвовать в театральной постановке по случаю главного государственного праздника. У Петрушевской этот сам по себе абсурдный сюжет превращен в фантазмагорию: заключенные классики мировой политики, культуры и науки — В.И. Ленин, А. Гитлер, Л. Бетховен и А. Эйнштейн — ставят трагедию У. Шекспира «Ромео и Джульетта». А.С. Пушкина нет среди заключенных, однако русский «классик классиков» зримо присутствует на цитатном уровне текста.

Петрушевская открыто полемизирует с массовым сознанием, развенчивая поверхностные знания обывателя о подлинных личностях, стоящих за ее героями, показывая упрощенные и сниженные представления о них. Интертексты пушкинских произведений также иронически снижены. Так, обращение пушкинской Татьяны «Не спится, няня: здесь так душно! // Открой окно да сядь ко мне» («Евгений Онегин») [27, т. 5, с. 62] трансформировано в пьесе в «...открой окно, да ляг ко мне» [28, с. 394], имеющее, учитывая общее содержание пьесы, эротический подтекст.

Одна из самых известных «маленьких трагедий» А.С. Пушкина профанируется у Петрушевской за счет карнавально-сниженной интерпретации, уводящей в сферу телесного низа:

«Б е т х о в е н (*загораясь*). А меня, знаешь, учил играть... знаешь такого Сальери? Композитора такого?

Э й н ш т е й н (*осторожно*). В седьмом бараке?

Б е т х о в е н (*туманно*). Нет, он не здесь.

Э й н ш т е й н. Это та история с Моцартом?

Б е т х о в е н. Там много клеветы. У Моцарта всегда было плохо со стулом» [28, с. 393].

Фраза пушкинского Мефистофеля, обращенная к Фаусту «Ведь мы играем не из денег, // А только б вечность проводить!» («Наброски к замыслу о Фаусте») [27, т. 2, с. 310], у Петрушевской снижена до уровня реплики «профессионально деформированного педагога»: «Как будем вечность проводить? Бездарно будем проводить?» [28, с. 395].

Примечательна цитата, представляющая собой опосредованное использование пушкинского текста, когда Ленин декламирует в стиле Германа из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Уж полночь близится, а все луна проходит <...> У мавзолея Ленина меня» [28, с. 396] (ср. в либретто к опере П.И. Чайковского «Пиковая дама»: «Уж полночь близится, а Германа все нет» [29, с. 78]). Петрушевская апеллирует к тексту классика русской музыки, вовлеченному в миф о Пушкине, в частности, усилиями А.М. Горького. Советский писатель в свое время отмечал: «Известно, что музыка пользуется лишь наиболее гениальными произведениями искусства слова <...> Музыка использовала в форме опер целый ряд вещей Пушкина» [15, т. 24, с. 256].

Средством демифологизации *Пушкина* у русских писателей-постмодернистов становится прием «овеществления», буквального его «опредмечивания». Так, в рассказе В.О. Пелевина «Мардонги» (1992), пародирующем философское эссе, автор анализирует процесс образования пушкинского «мардонга» — вымышленного культа особым образом сохраненного трупа. Пелевин подробно описывает технологию «приготовления» классическо-

го мардонга, включающую в себя обжарку тела умершего в масле, обмазывание глиной, обжиг и раскраску получившейся куклы. Низвержение А.С. Пушкина с пьедестала русской культуры происходит на уровне цитаты и начинается уже в эпиграфе («Слух обо мне пройдет, как вонь от трупа»), приписанном некоему Н. Антонову, квазиученому, автору «культурологической гипотезы» о Пушкине-мардонге. По мнению Антонова, Пушкин – это «духовный труп ноосферы» [24, с. 100], а его «утрупнению» способствует распевание мантры «Пушкин пушкински велик» [30, с. 101].

Формально стройное и логичное, повествование в рассказе представляет собой совершенный абсурд, создающий карнавальную атмосферу, в которой рушатся всякие авторитеты: «Антонов пишет о духовных мардонгах, образующихся после смерти людей, оставивших заметный след в групповом сознании. В этом случае роль обжарки в масле выполняют обстоятельства смерти человека и их общественное осознание (Антонов уподобляет Наталью Гончарову сковороде, а Дантеса – повару). <...> По Антонову, духовный мардонг Пушкина был готов к концу XIX в., причем роль окончательной раскраски сыграли оперы Чайковского» [30, с. 100]. Как и Петрушевская в «Мужской зоне», Пелевин использует связку *Пушкин – Чайковский*, уже откровенно глумясь над горьковской оценкой музыкальной интерпретации пушкинских текстов как дополнительного маркера гениальности писателя.

В пьесе О.А. Богаева «Мертвые уши» (1995) образ Пушкина «овеществляется» посредством обыгрывания расхожей метонимической модели «автор – книга». Если Б.Л. Пастернак, например, с помощью этой метонимии «оживляет» писателей («Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По» – «Про эти стихи»), то Богаев намеренно превращает русских классиков в их книги и даже заставляет их «питаться бумагой». Среди четырех писателей-классиков, изображенных в пьесе, Пушкин находится на особом счету.

В образе главной героини пьесы, «крепкой женщины» Эры Николаевны, автор утрированно воплощает современного массового человека. Уровень знакомства Эры с классикой раскрывает ряд искаженных имен писателей: «Чухов», «Тигр Николаевич», «а этот гоголем называется». Недеформированным остается только имя Пушкина, которое оказывается знакомым героине: «Э р а (не понимая.) Пушкин??? (Вспоминая.) Пушкин?! (Вспомнив.) Пушкин!!! (С любовью.) Пушкин...» [31, с. 119]. Миф о Пушкине жив в массовом сознании, и образ писателя в нем искаженно «овеществлен»: «Я на Пушкине в детстве с мамой каталась, когда он был теплоходом! А когда он памятник был, я под ним ждала жениха на свидание» [там же].

Значим эпизод появления Пушкина в квартире героини: «Пушкин одной рукой закрывает кровавую рану, в другой руке держит пистолет» [31, с. 115]. Эпизод вызывает в памяти устойчивую «формулу» пушкинского мифа – *дуэль*, которую Богаев гротескно снижает, делая ее абсурдно повторяющимся мотивом. У Богаева Дантес приходит убивать Пушкина регулярно, как в фольклорной пустоговорке. «Разберитесь. Дантес к нам повадился», – жалуется Эра Николаевна милиционерам [31, с. 134].

Как и в случае с романом Т. Толстой «Кысь», интерпретация пушкинского мифа у О. Богаева отсылает к поэме «Москва – Петушки» В. Ерофеева. Богаевская «Дама-берет» внешне напоминает Дарью, которая у Ерофеева описана как «женщина в коричневом берете». Отсылкой к поэме можно также считать профанирование «Евгения Онегина» как программного пушкинского произведения. У Ерофеева диалог Евтюшкина и Дарьи содержит прямые цитаты из пушкинского романа: «“Мой чудный взгляд тебя томил?” Я говорю: “Ну, допустим, томил...” А он опять за икры: “В душе мой голос раздавался?”» [26, с. 90]. У Богаева графоманское стихотворение Эры Николаевны также пародирует «Письмо Татьяны»: «Я знаю все: вас оскорбит / Ужасной правды разъяснение. / Какое страшное злобление / Ваш сытый глаз изобразит» [31, с. 122].

Заключение

Несмотря на общие релятивистские установки постмодернистского художественного сознания, образ А.С. Пушкина для некоторых современных авторов-постмодернистов продолжает сохранять статус авторитета. В.С. Маканин и А.В. Королев культивируют пушкинский миф, «пропуская» его через призму мировосприятия персонажа. И хотя нельзя говорить о полной идентичности точек зрения автора и персонажа, авторы в обоих случаях создали героев, представляющих, как и сами писатели, элитарную культуру и продолжающих культивировать пушкинский миф.

Ставя своей целью развенчание пушкинского мифа и ее смыслового ядра – мифологемы *Пушкин*, писатели-постмодернисты обращаются к изображению массового сознания, носителем которого может быть писатель-графоман (творчество Д.А. Пригова), квазиинтеллигент (проза В.О. Пелевина и Т.Н. Толстой), обыватель или маргинал (драматургия О.А. Богаева и Л.С. Петрушевской). Посредством профанирования массовых представлений о классике писатели декларируют отказ от заложенной в мифологеме *Пушкин* идеи тотальности, от обожествляющей писателя формулы «Наше все».

Список источников

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
2. Юнг К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
3. Легенды и мифы о Пушкине / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Академический проект, 1994. 352 с.
4. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. 245 с.
5. Богданова О.В. «Пушкин – наше всё...»: Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 239 с.
6. Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 540 с.
7. Круглов Р.Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 8. С. 2728–2734.
8. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Григорьев А. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. 632 с.
11. Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
12. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1958.
13. Блок А. Собр. соч.: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980–1983.
14. Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1963–1967.
15. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1949–1956.
16. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени: роман. М.: Эксмо, 2023. 544 с.
17. Королев А.В. Человек-язык: роман. М.: Текст, 2001. 189 с.
18. Самодуров В. Бремя черного человека // Вечерняя Москва. 1999. 6 мая. С. 3.
19. Пригов Д.А. Собрание стихов. Т. IV. 1978. № 660-845. Wiener Slawisticher Almanach, Sonderband 58, Wien, 2003. 229 с.
20. Пригов Д.А. Советские тексты, 1979-84. СПб.: Лимбах, 1997. 271 с.
21. Битов А.Г. Пушкинский дом. Анн-Арбор: ARDIS, 1978. 412 с.
22. Пригов Д.А. Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 280 с.
23. Полева Е.А. Андрогинные мотивы в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 135–143.
24. Толстая Т.Н. Река Оккервиль: рассказы. М.: Подкова, 2002. 464 с.
25. Толстая Т.Н. Кысь: роман. М.: АСТ, 2016. 381 с.
26. Ерофеев В.В. Москва – Петушки. СПб.: Азбука, 2016. 416 с.
27. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
28. Петрушевская Л.С. Квартира Коломбины: пьесы. СПб.: Амфора, 2007. 415 с.
29. Чайковский М.И., Чайковский П.И., Шиловский К.С. «Пиковая дама» П.И. Чайковского: либретто оперы. М.: Музгиз, 1956. 94 с.
30. Пелевин В.О. Бубен верхнего мира: истории и рассказы. СПб.: Азбука, 2016. 544 с.
31. Богаев О.А. Русская народная почта: 13 комедий. Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. 776 с.

References

1. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2014. 320 p. (in Russian).
2. Jung C.G. *The archetypes and the collective unconscious*. London, Routledge and Kegan Paul, 1959. 462 p. (Russ. ed.: Yung K.-G. *Dusha i mif. Shest' arkhетipov*. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshetva Publ., 1996. 384 p.).
3. *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. M.N. Virolainen Ed. Saint Petersburg, Akademicheskyy proekt Publ., 1994. 352 p. (in Russian).
4. Zagidullina M.V. *Pushkinskiy mif v kontse XX veka* [Pushkin's myth at the end of the 20th century]. Chelyabinsk, ChSU Publ., 2001. 245 p. (in Russian).
5. Bogdanova O.V. «*Pushkin – nashe vse...*»: *Literatura postmoderna i Pushkin* ["Pushkin is our everything...": Postmodern Literature and Pushkin]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University Publ., 2009. 239 p. (in Russian).
6. Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*. Dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods. Diss. ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2011. 540 p. (in Russian).

7. Kruglov R.G. Pushkinskaya traditsiya, pushkinskiy mif i pushkinskiy tekst v russkoy poezii vtoroy poloviny XX veka [Pushkin tradition, Pushkin myth and Pushkin text in Russian poetry of the second half of the 20th century]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2024, vol. 17, no. 8, pp. 2728–2734 (in Russian).
8. Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh* [Complete collection of works: 14 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1952 (in Russian).
9. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete collection of works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990 (in Russian).
10. Grigorev A. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967. 632 p. (in Russian).
11. Annensky I.F. *Knigi otrazheniy* [Books of Reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 680 p. (in Russian).
12. Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh* [Complete collection of works: 13 volumes]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953–1958 (in Russian).
13. Blok A. *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [Collection of works: 6 volumes]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980–1983 (in Russian).
14. Lunacharsky A.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 tomakh* [Collection of works: 8 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1963–1967 (in Russian).
15. Gor'kiy M. *Sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Collection of works: 30 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1949–1956 (in Russian).
16. Makanin V.S. *Andegraud, ili Geroy nashego vremeni* [The Underground, or the Hero of Our Time]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 544 p. (in Russian).
17. Korolev A.V. *Chelovek-yazyk: roman* [Man-Tongue: a novel]. Moscow, Tekst Publ., 2001. 189 p. (in Russian).
18. Samodurov V. *Bremya chernogo cheloveka* [The Burden of the Black Man]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. 1999. May, 6. P. 3 (in Russian).
19. Prigov D.A. *Sobranie stikhov. 1978. № 660-845* [Collected Poems. 1978. № 660-845]. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 58, Wien, 2003. Vol. IV. 229 p. (in Russian).
20. Prigov D.A. *Sovetskiye teksty, 1979-84* [Soviet texts, 1979-84]. Saint Petersburg, Limbakh Publ., 1997. 271 p. (in Russian).
21. Bitov A.G. *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Ann Arbor, ARDIS Publ., 1978. 412 p. (in Russian).
22. Prigov D.A. *Napisannoye s 1975 po 1989* [Written from 1975 to 1989]. Moscow, New Literary Review Publ., 1997. 280 p. (in Russian).
23. Poleva E.A. Androginnye motivy v romane Leny Eltang «Kamennyye kleny» [Androgynous motives in the novel “Pobeg Kumaniki” (“Bramble Sprout”) by Lena Eltang]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 148–160 (in Russian).
24. Tolstaya T.N. *Reka Okkervil': rasskazy* [Okkervil River: stories]. Moscow, Podkova Publ., 2002. 464 p. (in Russian).
25. Tolstaya T.N. *Kys': roman* [The Slynx: a novel]. Moscow, AST Publ., 2016. 381 p. (in Russian).
26. Erofeev V.V. *Moskva – Petushki* [Moscow – Petushki]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 416 p. (in Russian).
27. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* [Complete collection of works: 10 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1950 (in Russian).
28. Petrushevskaya L.S. *Kvartira Kolombiny: p'esy* [Flat of Columbine: plays]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2007. 415 p. (in Russian).
29. Tchaikovsky M.I., Tchaikovsky P.I., Shilovsky K.C. «*Pikovaya dama*» P.I. Chaykovskogo: libretto opery [“Queen of Spades” by P.I. Tchaikovsky: libretto of the opera]. Moscow, Muzgiz Publ., 1956. 94 p. (in Russian).
30. Pelevin V.O. *Buben verkhnego mira: istorii i rasskazy* [Tambourine of the upper world: stories and tales]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 544 p. (in Russian).
31. Bogayev O.A. *Russkaya narodnaya pochta: 13 komediy* [Russian folk mail: 13 comedies]. Ekaterinburg, Journal “Ural” Publ., 2012. 776 p. (in Russian).

Информация об авторе

Колмакова О.А., доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет» (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003).
E-mail: post-oxygen@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4873-181X; SPIN-код: 9526-3204.

Information about the author

Kolmakova O.A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).
E-mail: post-oxygen@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4873-181X; SPIN-код: 9526-3204.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 19.02.2025; accepted for publication 20.05.2025